ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЭКОСИСТЕМА

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Библиотека подготовки к ЕГЭ

ЕГЭ 2026

Литература

Подготовка к выполнению задания 10

Ege.plus

ЕГЭ ОГЭ

© АНО ДПО «НИКО»
© ООО «Издательство «Национальное образование»

Лирика: произведения для сопоставления

Содержание контрольных измерительных материалов включает задания на сопоставление. В частности, задание 10 нацеливает на самостоятельный выбор поэтического произведения для сопоставления. Предлагаем тематическую подборку стихотворений с кратким указанием ведущих мотивов, что поможет подготовиться к выполнению задания 10.

ТЕМА Любовь | **МОТИВ** Воспоминание о встрече/любви

А. С. Пушкин

«Я помню чудное мгновенье...» (1825)

Посвящено Анне Петровне Керн.

К ***

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слёз, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь.

Ф. И. Тютчев

«Я встретил вас...» (1870)

Посвящено Амалии фон Лерхенфельд.

К. Б.

Я встретил вас — и всё былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенётся в нас, —

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне, —
И вот — слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, —
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

А. А. Фет

«Сияла ночь...» (2 августа 1877 г.)

Посвящено Татьяне Андреевне Кузьминской (сестра С. А. Толстой, жены Л. Н. Толстого).

***

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нём дрожали,
Как и сердца у нас за песнию твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна — любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь.

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

© АНО ДПО «НИКО»
© ООО «Издательство «Национальное образование»

ТЕМА Любовь | МОТИВ Счастье любви / предчувствие любви, счастья

А. С. Пушкин

«На холмах Грузии лежит ночная мгла...» (1829)

Посвящено Наталье Николаевне Гончаровой, невесте поэта.

***

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва подо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

А. А. Блок

«Вхожу я в тёмные храмы...» (25 октября 1902 г.)

(Муза — жена поэта Любовь Дмитриевна Менделеева)

Вхожу я в тёмные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озарённый,
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая — Ты.

А. С. Пушкин

Мадонна (1830; сонет)

Посвящено Наталье Николаевне Гончаровой, жене поэта.

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному сужденью знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель —

Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

А. А. Фет

«Шёпот, робкое дыханье...» (1850)

***

Шёпот, робкое дыханье.
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья.

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слёзы,
И заря, заря!..

© АНО ДПО «НИКО»
© ООО «Издательство «Национальное образование»
Ege.plus

А. А. Ахматова

Адресат стихотворений воображаемый. Отражены сложные отношения с Николаем Степановичем Гумилёвым.

«Сжала руки под тёмной вуалью...» (1911)

Сжала руки под тёмной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
— Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Всё, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру»

Песня последней встречи (1911)

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.

Показалось, что много ступеней,
А я знала — их только три!
Между клёнов шёпот осенний
Попросил: «Со мною умри!

Я обманут моей унылой
Переменчивой, злой судьбой».
Я ответила: «Милый, милый —
И я тоже. Умру с тобой!»

Это песня последней встречи.
Я взглянула на тёмный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-жёлтым огнём.

В. В. Маяковский

Лиличка! (26 мая 1916 г., Петроград)

Посвящено Лиле Юрьевне Брик.

Вместо письма
Дым табачный воздух выел.
Комната —
глава в кручёныховском аде.
Вспомни —
за этим окном
впервые
руки твои, исступлённый, гладил.
Сегодня сидишь вот,
сердце в железе.
День ещё —
выгонишь,
можешь быть, изругав.
В мутной передней долго не влезет
сломанная дрожью рука в рукав.
Выбегу,
тело в улицу брошу я.
Дикий,
обезумлюсь,
отчаяньем иссечась.
Не надо этого,
дорогая,
хорошая,
дай простимся сейчас.
Всё равно
любовь моя —
тяжкая гиря ведь —
висит на тебе,
куда ни бежала б.
Дай в последнем крике выреветь
горечь обиженных жалоб.
Если быка трудом умóрят —
он уйдёт,
разляжется в холодных водах.
Кроме любви твоей,
мне
нету моря,
а у любви твоей и плачем не вымолишь отдых.
Захочет покоя уставший слон —
царственный ляжет в опожаренном песке.
Кроме любви твоей,
мне
нету солнца,
а я и не знаю, где ты и с кем.
Если б так поэта измучила,
он
любимую на деньги б и славу выменял,
а мне
ни один не радостен звон,
кроме звона твоего любимого имени.
И в пролёт не брошусь,
и не выпью яда,
и курок не смогу над виском нажать.
Надо мною,
кроме твоего взгляда,
не властно лезвие ни одного ножа.
Завтра забудешь,
что тебя короновал,
что душу цветущую любовью выжег,
и суетных дней взметённый карнавал
растреплет страницы моих книжек...
Слов моих сухие листья ли
заставят остановиться,
жадно дыша?

Дай хоть
последней нежностью выстелить
твой уходящий шаг.

© АНО ДПО «НИКО»
© ООО «Издательство «Национальное образование»

ТЕМА Любовь | **МОТИВ** Драма, расставание

А. А. Ахматова

Адресат стихотворения воображаемый. Отражены сложные отношения с Николаем Степановичем Гумилёвым.

Вечером (1913)

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.

Он мне сказал: «Я верный друг!»
И моего коснулся платья.
Так не похожи на объятья
Прикосновенья этих рук.

Так гладят кошек или птиц,
Так на наездниц смотрят стройных…
Лишь смех в глазах его спокойных
Под лёгким золотом ресниц.

А скорбных скрипок голоса
Поют за стелющимся дымом:
«Благослови же небеса —
Ты в первый раз одна с любимым».

М. Ю. Лермонтов

«Расстались мы…» (1837)

Посвящено Варваре Александровне Лопухиной.

Расстались мы; но твой портрет
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.

И новым преданный страстям,
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный — всё храм,
Кумир поверженный — всё бог!

Н. А. Некрасов

Из «Панаевского цикла». Обращено к Авдотье Яковлевне Панаевой.

«Я не люблю иронии твоей…» (1850)

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и не жившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,
Ещё остаток чувства сохранившим, —
Нам рано предаваться ей!

Пока ещё застенчиво и нежно
Свидание продлить желаешь ты,
Пока ещё кипят во мне мятежно
Ревнивые тревоги и мечты —
Не торопи развязки неизбежной!

И без того она не далека:
Кипим сильней, последней жаждой полны,
Но в сердце тайный холод и тоска…
Так осенью бурливее река,
Но холодней бушующие волны…

«Мы с тобой бестолковые люди…» (1851)

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди,
Неразумное, резкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
Всё, что душу волнует и мучит!
Будем, друг мой, сердиться открыто:
Легче мир — и скорее наскучит.

Если проза в любви неизбежна,
Так возьмём и с неё долю счастья:
После ссоры так полно, так нежно
Возвращенье любви и участья…

М. Ю. Лермонтов

Нищий (1830)

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!

М. Ю. Лермонтов

«Нет, не тебя так пылко я люблю…» (1841)

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты другие,
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

© АНО ДПО «НИКО»
© ООО «Издательство «Национальное образование»
Ege.plus

ТЕМА Любовь | МОТИВ Одиночество, расставание

А. А. Блок

«О доблестях, о подвигах, о славе...» (1908)

Отражено расставание с женой — Любовью Дмитриевной Менделеевой.

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твоё лицо в простой оправе
Перед мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутясь проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слёзы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют твоей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Всё миновалось, молодость прошла!
Твоё лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

И. А. Бунин

Одиночество (1903)

Отражено расставание с женой — Анной Цакни.

И ветер, и дождик, и мгла
Над холодной пустыней воды.
Здесь жизнь до весны умерла,
До весны опустели сады.
Я на даче один. Мне темно
За мольбертом, и дует в окно.
Вчера ты была у меня,
Но тебе уж тоскливо со мной.
Под вечер ненастного дня
Ты мне стала казаться женой...
Что ж, прощай! Как-нибудь до весны
Проживу и один — без жены...
Сегодня идут без конца
Те же тучи — гряда за грядой.
Твой след под дождем у крыльца
Расплылся, налился водой.
И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму.
Мне крикнуть хотелось вослед:
«Воротись, я сроднился с тобой!»
Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила — и стал ей чужой.
Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.

А. С. Пушкин

«Я вас любил...» (1829)

Посвящено Анне Алексеевне Олениной (?), двоюродной сестре Анны Петровны Керн.

***

Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим,
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

А. А. Фет

«Шумела полночная вьюга...» (1842)

Адресат неизвестен.

Шумела полночная вьюга
В лесной и глухой стороне.
Мы сели с ней друг подле друга.
Валежник свистал на огне.

И наших двух теней громады
Лежали на красном полу,
А в сердце ни искры отрады,
И нечем прогнать эту мглу!

Берёзы скрипят за стеною,
Сук ели трещит смоляной...
О друг мой, скажи, что́ с тобою?
Я знаю давно, что́ со мной!

© АНО ДПО «НИКО»
© ООО «Издательство «Национальное образование»
Ege.plus

ТЕМА Любовь | МОТИВ Глубокая духовная связь

М. Ю. Лермонтов

«Я, Матерь Божия…» (1837)

Посвящено Варваре Александровне Лопухиной.

***

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Тёплой Заступнице мира холодного.

Окружи счастием душу достойную;
Дай ей сопутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную.
Ты восприять пошли к ложу печальному
Лучшего Ангела душу прекрасную.

М. Ю. Лермонтов

Сон (1841)

Посвящено Варваре Александровне Лопухиной.

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая ещё дымилась рана,
По капле кровь точилася моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснилися кругом,
И солнце жгло их жёлтые вершины
И жгло меня — но спал я мёртвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шёл разговор весёлый обо мне.

Но, в разговор весёлый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа её младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди дымясь чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струёй.

А. А. Фет

«Сияла ночь…» (2 августа 1877 г.)

Посвящено Татьяне Андреевне Кузьминской
(сестра С. А. Толстой, жены Л. Н. Толстого).

***

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нём дрожали,
Как и сердца у нас за песнию твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна — любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь.

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

© АНО ДПО «НИКО»
© ООО «Издательство «Национальное образование»

М. Исаковский

Огонёк (1942)

На позиции девушка
Провожала бойца,
Тёмной ночью простилася
На ступеньках крыльца.

И пока за туманами
Видеть мог паренек,
На окошке на девичьем
Всё горел огонёк.

Парня встретила славная
Фронтовая семья,
Всюду были товарищи,
Всюду были друзья.

Но знакомую улицу
Позабыть он не мог:
— Где ж ты, девушка милая,
Где ж ты, мой огонёк?

И подруга далёкая
Парню весточку шлёт,
Что любовь её девичья
Никогда не умрёт;

Всё, что было загадано,
В свой исполнится срок, —
Не погаснет без времени
Золотой огонёк.

И просторно и радостно
На душе у бойца
От такого хорошего
От её письмеца.

И врага ненавистного
Крепче бьёт паренёк
За Советскую родину,
За родной огонёк.

К. М. Симонов

Жди меня (1941)

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожди,

Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.

Жди, когда из дальних мест
Писем не придёт,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждёт.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.

Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,

Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло.

Не понять, не ждавшим, им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.

Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

© АНО ДПО «НИКО»
© ООО «Издательство «Национальное образование»
Ege.plus

А. С. Пушкин

И. И. Пущину (1826)

Посвящено Ивану Ивановичу Пущину, лицейскому другу поэта.

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое Провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

В. С. Высоцкий

Он не вернулся из боя (1969)

Почему всё не так? Вроде всё как всегда:
То же небо — опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода,
Только он не вернулся из боя.

Мне теперь не понять, кто же прав был из нас
В наших спорах без сна и покоя.
Мне не стало хватать его только сейчас —
Когда он не вернулся из боя.

Он молчал невпопад и не в такт подпевал,
Он всегда говорил про другое,
Он мне спать не давал, он с восходом вставал,
А вчера не вернулся из боя.

То, что пусто теперь, — не про то разговор:
Вдруг заметил я — нас было двое...
Для меня — будто ветром задуло костёр,
Когда он не вернулся из боя.

Нынче вырвалось — будто из плена весна, —
По ошибке окликнул его я:
— Друг, оставь покурить! — А в ответ — тишина:
Он вчера не вернулся из боя.

Наши мёртвые нас не оставят в беде,
Наши павшие — как часовые...
Отражается небо в лесу, как в воде, —
И деревья стоят голубые.

Нам и места в землянке хватало вполне,
Нам и время текло — для обоих.
Всё теперь одному. Только кажется мне,
Это я не вернулся из боя.

В. С. Высоцкий

Песня лётчика (1968)

(из диптиха «Две песни об одном воздушном бое»)

Их восемь — нас двое. Расклад перед боем
Не наш, но мы будем играть!
Серёжа, держись! Нам не светит с тобою,
Но козыри надо равнять.

Я этот небесный квадрат не покину,
Мне цифры сейчас не важны:
Сегодня мой друг защищает мне спину,
А значит, и шансы равны.

Мне в хвост вышел «мессер», но вот задымил он,
Надсадно завыли винты.
Им даже не надо крестов на могилы —
Сойдут и на крыльях кресты!

Я «Первый»! Я «Первый»! Они под тобою!
Я вышел им наперерез!
Сбей пламя, уйди в облака — я прикрою!
В бою не бывает чудес.

Сергей, ты горишь! Уповай, человече,
Теперь на надёжность строп!
Нет, поздно — и мне вышел «мессер» навстречу.
Прощай, я приму его в лоб!..

Я знаю — другие сведут с ними счёты,
Но, по облакам скользя,
Взлетят наши души, как два самолёта, —
Ведь им друг без друга нельзя.

Архангел нам скажет: «В раю будет туго!»
Но только ворота — щёлк,
Мы Бога попросим: «Впишите нас с другом
В какой-нибудь ангельский полк!»

И я попрошу Бога, Духа и Сына,
Чтоб выполнил волю мою:
Пусть вечно мой друг защищает мне спину,
Как в этом последнем бою!

Мы крылья и стрелы попросим у Бога,
Ведь нужен им ангел-ас.
А если у них истребителей много —
Пусть пишут в хранители нас!

Хранить — это дело почётное тоже:
Удачу нести на крыле
Таким, как при жизни мы были с Серёжей
И в воздухе, и на земле.

© АНО ДПО «НИКО»
© ООО «Издательство «Национальное образование»
Ege.plus

А. С. Пушкин

Поэт (1827)

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружён;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.
Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснётся,
Душа поэта встрепенётся,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы…

А. А. Фет

«Одним толчком…» (28 октября 1887 г.)

Одним толчком согнать ладью живую
С наглаженных отливами песков,
Одной волной подняться в жизнь иную,
Учуять ветр с цветущих берегов,
Тоскливый сон прервать единым звуком,
Упиться вдруг неведомым, родным,
Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам,
Чужое вмиг почувствовать своим,
Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец —
Вот чем певец лишь избранный владеет,
Вот в чём его и признак и венец!

А. С. Пушкин

Пророк (1826)

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутьи мне явился.
Перстами лёгкими, как сон,
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассёк мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп, в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

А. С. Пушкин

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный…» (1836)

Exegi monumentum[1]

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа,
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью Божию, о Муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспоривай глупца.

[1] Я воздвиг памятник *(лат.)*

© АНО ДПО «НИКО»
© ООО «Издательство «Национальное образование»
Ege.plus

В. В. Маяковский

Послушайте! (1914)

Послушайте!
Ведь, если звёзды зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — кто-то хочет, чтобы они были?
Значит — кто-то называет эти плевочки
жемчужиной?
И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
врывается к богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит —
чтоб обязательно была звезда! —
клянётся —
не перенесёт эту беззвёздную муку!
А после
ходит тревожный,
но спокойный наружно.
Говорит кому-то:
«Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!»
Послушайте!
Ведь, если звёзды
зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!

М. И. Цветаева

«Моим стихам...»

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я — поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
— Нечитанным стихам! —

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берёт!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черёд.

Май 1913 г., Коктебель

В. В. Маяковский

Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче (1920)

(Пушкино. Акулова гора, дача Румянцева, 27 вёрст по Ярославской жел. дор.)

<...>
И скоро,
дружбы не тая,
бью по плечу его я.
А солнце тоже:
«Ты да я,
нас, товарищ, двое!
Пойдём, поэт,
взорим,
вспоём
у мира в сером хламе.
Я буду солнце лить своё,
а ты — своё,
стихами».
Стена теней,
ночей тюрьма
под солнц двустволкой пала.
Стихов и света кутерьма
сияй во что попало!
Устанет то,
и хочет ночь
прилечь,
тупая сонница.
Вдруг — я
во всю светаю мочь —
и снова день трезвонится.
Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой
и солнца!

© АНО ДПО «НИКО»
© ООО «Издательство «Национальное образование»
Ege.plus

ТЕМА Поэт и общество (толпа)

В. В. Маяковский

Нате! (1913)

Через час отсюда в чистый переулок
вытечет по человеку ваш обрюзгший жир,
а я вам открыл столько стихов шкатулок,
я — бесценных слов мот и транжир.

Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста
где-то недокушанных, недоеденных щей;
вот вы, женщина, на вас белила густо,
вы смотрите устрицей из раковин вещей.

Все вы на бабочку поэтиного сердца
взгромоздитесь, грязные, в калошах и без калош.
Толпа озвереет, будет тереться,
ощетинит ножки стоглавая вошь.

А если сегодня мне, грубому гунну,
кривляться перед вами не захочется — и вот
я захохочу и радостно плюну,
плюну в лицо вам
я — бесценных слов транжир и мот.

В. В. Маяковский

А вы могли бы? (1913)

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.
На чешуе жестя́ной рыбы
прочёл я зовы новых губ.
А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?

М. И. Цветаева

«Кто создан из камня...» (1920)

Кто создан из камня, кто создан из глины, —
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело — измена, мне имя — Марина,
Я — бренная пена морская.

Кто создан из глины, кто создан из плоти —
Тем гроб и надгробные плиты...
— В купели морской крещена — и в полёте
Своём — непрестанно разбита!

Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьётся моё своеволье.
Меня — видишь кудри беспутные эти? —
Земною не сделаешь солью.

Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной — воскресаю!
Да здравствует пена — весёлая пена —
Высокая пена морская!

А. С. Пушкин

Поэту (1930)

Поэт! не дорожи любовию народной.
Восторженных похвал пройдёт минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься твёрд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечёт тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

А. С. Пушкин

Пророк (1826)

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрлый ерафим
На перепутьи мне явился.
Перстами лёгкими, как сон,
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассёк мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп, в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

© АНО ДПО «НИКО»
© ООО «Издательство «Национальное образование»
Ege.plus

В. Я. Брюсов

Творчество (1 марта 1895 г.)

Тень несозданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний[1]
На эмалевой стене.

Фиолетовые руки
На эмалевой стене[2]
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.

И прозрачные киоски[3],
В звонко-звучной тишине,
Вырастают, словно блёстки,
При лазоревой луне.

Всходит месяц обнажённый
При лазоревой луне...
Звуки реют полусонно,
Звуки ластятся ко мне.

Тайны созданных созданий
С лаской ластятся ко мне,
И трепещет тень латаний
На эмалевой стене.

[1] Латания — вид пальмы, листья которой похожи на лопасти.

[2] Эмалевая стена — стенка печи, покрытой эмалевыми изразцами.

[3] Прозрачные киоски — садовые беседки, 1 марта ещё не закрыты распустившимися листьями обвивающих беседку растений

О. Э. Мандельштам

«Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» (1915)

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочёл до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладою когда-то поднялся.

Как журавлиный клин в чужие рубежи, —
На головах царей божественная пена, —
Куда плывёте вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?

И море, и Гомер — всё движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море чёрное, витийствуя[1], шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

[1] Витийствовать — говорить красноречиво.

А. А. Фет

«Одним толчком...» (28 октября 1887 г.)

Одним толчком согнать ладью живую
С наглаженных отливами песков,
Одной волной подняться в жизнь иную,
Учуять ветр с цветущих берегов,

Тоскливый сон прервать единым звуком,
Упиться вдруг неведомым, родным,
Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам,
Чужое вмиг почувствовать своим,

Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец —
Вот чем певец лишь избранный владеет,
Вот в чём его и признак и венец!

А. А. Ахматова

Цикл стихотворений «Тайны ремесла».

Творчество

1.

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шёпотов и звонов
Встает один, всё победивший звук.
Так вкруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растёт трава,
Как по земле идёт с котомкой лихо...
Но вот уже послышались слова
И лёгких рифм сигнальные звоночки, —
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.
(1936)

2.

Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах всё быть должно некстати,
Не так, как у людей.

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как жёлтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дёгтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.
(1940)

© АНО ДПО «НИКО»
© ООО «Издательство «Национальное образование»
Ege.plus

Б. Л. Пастернак

«Февраль. Достать чернил и плакать!»
(1912, 1928)

Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною чёрною горит.

Достать пролётку[1]. За шесть гривен[2],
Чрез благовест[3], чрез клик колёс,
Перенестись туда, где ливень
Ещё шумней чернил и слёз.

Где, как обугленные груши,
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей.

Под ней проталины чернеют,
И ветер криками изрыт,
И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.

[1] Пролётка — открытый четырёхколесный двухместный экипаж.
[2] Гривна (гривенник) — в XIX в. 10 копеек.
[3] Благовест — торжественный колокольный звон в один колокол

Б. Л. Пастернак

Определение поэзии (1941)

Это — круто налившийся свист,
Это — щёлканье сдавленных льдинок.
Это — ночь, леденящая лист,
Это — двух соловьёв поединок.

Это — сладкий заглохший горох,
Это — слёзы Вселенной в лопатках,
Это — с пультов и с флейт — Figaro
Низвергается градом на грядку.

Всё, что ночи так важно сыскать
На глубоких купаленных до́ньях,
И звезду донести до садка
На трепещущих мокрых ладонях.

Площе досок в воде — духота.
Небосвод завалился ольхою,
Этим звёздам к лицу б хохотать,
Ан Вселенная — место глухое.

А. Т. Твардовский

«Вся суть в одном-единственном завете...»
(1958)

Вся суть в одном-единственном завете:
То, что скажу, до времени тая,
Я это знаю лучше всех на свете —
Живых и мёртвых, — знаю только я.
Сказать то слово никому другому
Я никогда бы ни за что не мог
Передоверить. Даже Льву Толстому —
Нельзя. Не скажет, пусть себе он бог.
А я лишь смертный. За своё в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.

© АНО ДПО «НИКО»
© ООО «Издательство «Национальное образование»
Ege.plus

М. И. Цветаева

«Тоска по Родине!..» (1934)

Тоска по Родине! Давно
Разоблачённая морока!
Мне совершенно всё равно —
Где совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошёлкою базарной
В дом, и не знающий, что — мой,
Как госпиталь или казарма.

Мне всё равно, каких среди
Лиц ощетиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной — непременно —

В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведём без льдины
Где не ужиться (и не тщусь!),
Где унижаться — мне едино.

Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично — на каком
Непонимаемой быть встречным!

(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен…)
Двадцатого столетья — он,
А я — до всякого столетья!

Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне все — равны, мне всё — равно,
И, может быть, всего равнее —

Роднее бывшее — всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты — как рукой сняло:
Душа, родившаяся — где-то.

Так край меня не уберёг
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей — поперёк!
Родимого пятна не сыщет!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё — равно, и всё — едино.
Но если по дороге — куст
Встаёт, особенно — рябина…

А. А. Ахматова

Мужество (1942)

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки.

А. А. Ахматова

Родная земля (1961)

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не бередит,
Не кажется обетованным раем.
Не делаем её в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.
Да, для нас это грязь на калошах,
Да, для нас это хруст на зубах.
И мы мелем, и месим, и крошим
Тот ни в чём не замешанный прах.
Но ложимся в неё и становимся ею,
Оттого и зовём так свободно — своею.

А. А. Ахматова

«Мне голос был…» (1917)

Повод к написанию стихотворения — отъезд друзей в эмиграцию после Октябрьской революции 1917 г.

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край, глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.

Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

А. А. Ахматова

«Не с теми я, кто бросил землю…» (1922)

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час…
Но в мире нет людей бесслёзней,
Надменнее и проще нас.

© АНО ДПО «НИКО»
© ООО «Издательство «Национальное образование»
Ege.plus

М. Ю. Лермонтов

Родина (1841)

Люблю Отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни тёмной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
Но я люблю — за что, не знаю сам —
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её, подобные морям;
Просёлочным путём люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;
Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь жёлтой нивы
Чету белеющих берёз.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

А. А. Вознесенский

«Просто — наше шоссе и шиповник...» (1983)

Просто — наше шоссе и шиповник.
Дождь из облачка невпопад.
Как подошвы чьих-то шиповок,
лужи гвоздиками торчат.
Я всему говорю спасибо —
непосильного счастья боль,
непосильное небо синее,
непосильна земная соль.

А. А. Блок

Россия (1908)

Опять, как в годы золотые,
Три стёртых треплются шлеи,
И вязнут спицы расписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые, —
Как слёзы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, —
Не пропадёшь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты всё та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснёт в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

А. А. Блок

Цикл «На поле Куликовом» (1908)

1

Река раскинулась. Течёт, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной жёлтого обрыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь — степной, наш путь — в тоске безбрежной —
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснёт святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнёт ковыль...

И нет конца! Мелькают вёрсты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несётся вскачь!

© АНО ДПО «НИКО»
© ООО «Издательство «Национальное образование»
Ege.plus

С. А. Есенин

«Гой ты, Русь, моя родная...» (1914)

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосёт глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и мёдом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стёжке
На приволь зелёных лех,
Мне навстречу, как серёжки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

С. А. Есенин

«Запели тёсаные дроги...» (1916)

Запели тёсаные дроги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни на дороге
И поминальные кресты.

Опять я тёплой грустью болен
От овсяного ветерка,
И на извёстку колоколен
Невольно крестится рука.

О Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку,
Люблю до радости и боли
Твою озёную тоску.

Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить —
Я научиться не могу.

И не отдам я эти цепи
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылём.

С. А. Есенин

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!..» (1924)

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому что я с севера, что ли?

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

С. А. Есенин

«Низкий дом с голубыми ставнями...» (1924)

Низкий дом с голубыми ставнями
Не забыть мне тебя никогда, —
Слишком были такими недавними
Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня ещё мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые серебряным ситцем
Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши,
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской души.

Полюбил я седых журавлей
С их курлыканьем в тощие дали,
Потому что в просторах полей
Они сытных хлебов не видали.

Только видели березь да цветь,
Да ракитник кривой и безлистый,
Да разбойные слышали свисты,
От которых легко умереть.

Как бы я и хотел не любить,
Всё равно не могу научиться,
И под этим дешёвеньким ситцем
Ты мила мне, родимая выть.

Потому так и днями недавними
Уж не юные веют года.
Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда.

© АНО ДПО «НИКО»
© ООО «Издательство «Национальное образование»
Ege.plus

А. А. Фет
«Прозвучало над ясной рекою...» (1855)

Прозвучало над ясной рекою,
Прозвенело в померкшем лугу,
Прокатилось над рощей немою,
Засветилось на том берегу.

Далеко, в полумраке, луками
Убегает на запад река.
Погорев золотыми каймами,
Разлетелись, как дым, облака.

На пригорке то сыро, то жарко,
Вздохи дня есть в дыханье ночном, —
Но зарница уж теплится ярко
Голубым и зелёным огнём.

А. А. Фет
«Учись у них — у дуба, у берёзы...» (1883)

Учись у них — у дуба, у берёзы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаясь, кора.

Всё злей метель и с каждою минутой
Сердито рвёт последние листы,
И за́ сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Её промчится гений,
Опять теплом и жизнию дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

Б. А. Чичибабин
«И опять — тишина...» (1962)

И опять — тишина, тишина, тишина.
Я лежу, изнемогший, счастливый и кроткий.
Солнце лоб мой печёт, моя грудь сожжена,
И почиет пчела на моём подбородке.

Я блаженствую молча. Никто не придёт.
Я хмелею от запахов нежных, не зная,
то трава, или хвои целительный мёд,
или в небо роса испарилась лесная.

Всё, что вижу вокруг, беспредельно любя,
как я рад, как печально и горестно рад я,
что могу хоть на миг отдохнуть от себя,
полежать на траве с нераскрытой тетрадью.

Это самое лучшее, что мне дано:
так лежать без движений, без жажды, без цели,
чтобы мысли бродили, как бродит вино,
в моём тёплом, усталом, задумчивом теле.

И не страшно душе — хорошо и легко
слиться с листьями леса, с растительным соком,
с золотыми цветами в тени облаков,
с муравьиной землёю и с небом высоким.

А. С. Пушкин
Туча (1826)

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несёшься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облегала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождём.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.

Ф. И. Тютчев
Полдень (1836)

Лениво дышит полдень мглистый,
Лениво катится река,
И в тверди пламенной и чистой
Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,
Дремо́та жаркая объемлет,
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.

Ф. И. Тютчев
«Есть в осени первоначальной...» (1857)

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё — простор везде, —
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко ещё до первых зимних бурь —
И льётся чистая и тёплая лазурь
На отдыхающее поле...

Ф. И. Тютчев
«С поляны коршун поднялся...» (1835)

С поляны коршун поднялся́
Высо́ко к небу он взвился́;
Всё выше, дале вьётся он —
И вот ушёл за небосклон!

Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла —
А я здесь в поте и в пыли.
Я, царь земли, прирос к земли!..

© АНО ДПО «НИКО»
© ООО «Издательство «Национальное образование»
Ege.plus

М. Ю. Лермонтов
Парус (1832)

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнётся и скрыпит…
Увы! он счастия не ищет
И не от счастия бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой…
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

М. Ю. Лермонтов
«Выхожу один я на дорогу…» (1841)

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом…
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть! —

Но не тем холодным сном могилы…
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Тёмный дуб склонялся и шумел.

М. Ю. Лермонтов
Тучи (1840)

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные…
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

М. Ю. Лермонтов
«Когда волнуется желтеющая нива…» (1837)

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зелёного листка;

Когда, росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студёный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе[1], —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога!..

[1] Чело — лоб

Б. Л. Пастернак
Снег идёт (1957)

Снег идёт, снег идёт.
К белым звёздочкам в буране
Тянутся цветы герани
За оконный переплёт.

Снег идёт, и всё в смятеньи,
Всё пускается в полёт, —
Чёрной лестницы ступени,
Перекрёстка поворот.

Снег идёт, снег идёт,
Словно падают не хлопья,
А в заплатанном салопе
Сходит наземь небосвод.

Словно с видом чудака,
С верхней лестничной площадки,
Крадучись, играя в прятки,
Сходит небо с чердака.

Потому что жизнь не ждёт.
Не оглянешься — и Святки.
Только промежуток краткий,
Смотришь, там и Новый год.

Снег идёт, густой-густой.
В ногу с ним, стопами теми,
В том же темпе, с ленью той
Или с той же быстротой,

Может быть, проходит время?
Может быть, за годом год
Следуют, как снег идёт,
Или как слова в поэме?
Снег идёт, снег идёт,

Снег идёт, и всё в смятеньи:
Убелённый пешеход,
Удивлённые растенья,
Перекрёстка поворот.

© АНО ДПО «НИКО»
© ООО «Издательство «Национальное образование»
Ege.plus

С. А. Есенин

«Мы теперь уходим понемногу...» (1924)

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые берёзовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящим
Я не в силах скрыть своей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Всё, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую водь.

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве,
И зверьё, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящим
Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле.
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

С. А. Есенин

«Отговорила роща золотая...» (1924)

Отговорила роща золотая
Берёзовым, весёлым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.
Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдёт, зайдёт и вновь покинет дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветром в даль,
Я полон дум о юности весёлой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растраченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костёр рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадёт трава,
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребёт их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

Б. Л. Пастернак

Гамлет (1946)

Гул затих. Я вышел на подмостки.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далёком отголоске,
Что случится на моём веку.

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идёт другая драма,
И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, всё тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти.

Ф. И. Тютчев

Silentium![1] (1830)

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звёзды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймёт ли он, чем ты живёшь?
Мысль изречённая есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи.

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгоня́т лучи, —
Внимай их пенью — и молчи!..

[1] Молчание! *(Лат.)*

М. Ю. Лермонтов

И скучно и грустно (1840)

И скучно и грустно! — и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья... что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят — всё лучшие годы!
Любить — но кого же? — на время не стоит труда,
А вечно любить невозможно...
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа.
И радость, и муки, и всё так ничтожно...
Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка,
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, —
Такая пустая и глупая шутка!

© АНО ДПО «НИКО»
© ООО «Издательство «Национальное образование»
Ege.plus

А. А. Блок

Фабрика (1902–1904)

В соседнем доме окна жолты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротáм.

И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Недвижный кто-то, чёрный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу всё с моей вершины:
Он медным голосом зовёт
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в жолтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

А. С. Пушкин. Деревня (1819; ода)

Н. А. Некрасов. Элегия (1874)

А. А. Ахматова. Реквием (1935–1940)

Н. А. Некрасов

Несжатая полоса (1854)

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы1
Всякой пролётной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьёт...
Где же наш пахарь? чего ещё ждёт?

Или мы хуже других уродились?
Или недружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял
Чтобы нас ветер осенний развеял?..»

Ветер несёт им печальный ответ:
— Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге — не ест и не пьёт,
Червь ему сердце больное сосёт,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли, как плети.

Очи потускли, и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шёл полосою.

[1] Станица — стая

А. Т. Твардовский

Памяти матери (1965)

В краю, куда их вывезли гуртом,
Где ни села вблизи, не то что города,
На севере, тайгою запертóм,
Всего там было — холода и голода.
Но непременно вспоминала мать,
Чуть речь зайдёт про всё про то, что минуло,
Как не хотелось там ей помирать, —
Уж очень было кладбище немилое.
Кругом леса без края и конца —
Что видит глаз — глухие, нелюдимые.
А на погосте том — ни деревца,
Ни даже тебе прутика единого.
Так-сяк, не в ряд нарытая земля
Меж вековыми пнями да корягами,
И хоть бы где подальше от жилья,
А то — могилки сразу за бараками.
И ей, бывало, виделись во сне
Не столько дом и двор со всеми справами,
А взгорок тот в родимой стороне
С крестами под берёзами кудрявыми.
Такая то краса и благодать,
Вдали большак, дымит пыльца дорожная,
— Проснусь, проснусь, — рассказывала мать, —
А за стеною — кладбище таёжное...
Теперь над ней берёзы, хоть не те,
Что снились за тайгою чужедальнею.
Досталось прописаться в тесноте
На вечную квартиру коммунальную.
И не в обиде. И не всё ль равно.
Какою метой вечность сверху мечена.
А тех берёз кудрявых — их давно
На свете нету. Сниться больше нечему.

© АНО ДПО «НИКО»
© ООО «Издательство «Национальное образование»
Ege.plus

ТЕМА Мечта / воображение / детство / обращение к предшественникам

М. И. Цветаева
Книги в красном переплёте (1908)

Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлёте,
Неизменившие друзья
В потёртом, красном переплёте.
Чуть лёгкий выучен урок,
Бегу тотчас же к вам, бывало,
— Уж поздно! — Мама, десять строк!.. —
Но, к счастью, мама забывала.
Дрожат на люстрах огоньки...
Как хорошо за книгой дома!
Под Грига, Шумана, Кюи
Я узнавала судьбы Тома.
Темнеет, в воздухе свежо...
Том в счастье с Бэкки полон веры.
Вот с факелом Индеец Джо
Блуждает в сумраке пещеры...
Кладби́ще... Вещий крик совы...
(Мне страшно!) Вот летит чрез кочки
Приёмыш чопорной вдовы,
Как Диоген, живущий в бочке.
Светлее солнца тронный зал,
Над стройным мальчиком — корона...
Вдруг — нищий! Боже! Он сказал:
«Позвольте, я наследник трона!»
Ушёл во тьму, кто в ней возник.
Британии печальны судьбы...
— О, почему средь красных книг
Опять за лампой не уснуть бы?
О золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О золотые имена:
Гекк Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!

К. Д. Бальмонт
Детство (1906)

Как прелестен этот бред,
Лепет детских слов.
Предумышленности нет,
Нет в словах оков.

Сразу — Солнце и Луна,
Звёзды и цветы.
Вся Вселенная видна,
Нет в ней темноты.

Всё что было — здесь сейчас,
Всё что будет — здесь.
Почему ж ты, Мир, для нас —
Не ребёнок, весь?

М. И. Цветаева
В пятнадцать лет (1911)

Звенят-поют, забвению мешая,
В моей душе слова: «пятнадцать лет».
О, для чего я выросла большая?
Спасенья нет!

Ещё вчера в зелёные берёзки
Я убегала, вольная, с утра.
Ещё вчера шалила без прически,
Ещё вчера!

Весенний звон с далёких колоколен
Мне говорил: «Побегай и приляг!»
И каждый крик шалунье был позволен,
И каждый шаг!

Что впереди? Какая неудача?
Во всём обман и, ах, на всём запрет!
— Так с милым детством я прощалась, плача,
В пятнадцать лет.

С. А. Есенин
Пушкину (1924)

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.
Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.
Но эти милые забавы
Не затемнили образ твой,
И в бронзе выкованной славы
Трясёшь ты гордой головой.
А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.
Но, обречённый на гоненье,
Ещё я долго буду петь...
Чтоб и моё степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

В. В. Маяковский. Юбилейное (1924)
Посвящено юбилею А. С. Пушкина.

Александр Сергеевич,
разрешите представиться.
Маяковский.

Дайте руку
Вот грудная клетка.
Слушайте,
уже не стук, а стон;
тревожусь я о нём,
в щенка смирённом львёнке.
Я никогда не знал,
что столько
тысяч тонн
в моей
позорно легкомыслой головёнке...

© АНО ДПО «НИКО»
© ООО «Издательство «Национальное образование»
Ege.plus

М. Ю. Лермонтов

«Как часто, пёстрою толпою окружён…»
(1 января 1840)

Как часто, пёстрою толпою окружён,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
  При шуме музыки и пляски,
При диком шёпоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
  Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
  Давно бестрепетные руки, —
Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
  Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться, — памятью к недавней старине
  Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребёнком, и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
  И сад с разрушенной теплицей;

Зелёной сетью трав подёрнут спящий пруд,
А за прудо́м село дымится — и встают
  Вдали туманы над полями.
В аллею тёмную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и жёлтые листы
  Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж грудь мою;
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
  Люблю мечты моей созданье
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
  За рощей первое сиянье.

Так царства дивного всесильный господин —
Я долгие часы просиживал один,
  И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно средь морей
  Цветёт на влажной их пустыне.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю
И шум толпы людской спугнёт мечту мою,
  На праздник не́званную гостью,
О, как мне хочется смутить весёлость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
  Облитый горечью и злостью!..

Б. Л. Пастернак

Гамлет (1946)

Гул затих. Я вышел на подмостки.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далёком отголоске,
Что случится на моём веку.

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идёт другая драма,
И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, всё тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти.

© АНО ДПО «НИКО»
© ООО «Издательство «Национальное образование»
Ege.plus